

ИРИНА МЕДВЕДЕВА,
ТАТЬЯНА ШИШОВА

ЧИТАЙТЕ ХАКСЛИ!

Есть произведения, которые мало кто читал, но о которых все знают. Например, “Илиада” и “Одиссея” Гомера, “Дон Кихот” Сервантеса, “Божественная комедия” Данте. Когда-то эти книги зачитывали до дыр, а куски из них заучивали наизусть в гимназиях и лицеях. Как знать, быть может, их время ещё вернётся? Но на сегодняшний день для широкой публики это, скорее, история литературы.

Книга Олдоса Хаксли “Прекрасный новый мир” (не сопоставимая, конечно, по литературным достоинствам с перечисленными шедеврами) – это сходный случай. Её тоже далеко не все читали, но заголовок книги стал популярным выражением, когда хотят дать ироническую или даже саркастическую оценку каким-то странным современным новшествам. Что, впрочем, немудрено, ведь “Прекрасный новый мир” относится к жанру романов-антиутопий – таких романов, где образ возможного будущего рисуется весьма непривлекательно, если не жутко. Антиутопия выделяет наиболее опасные, с точки зрения автора, общественные тенденции и теоретически направлена на то, чтобы предотвратить их укоренение и развитие.

Именно так мы и относились к роману “Прекрасный новый мир” (или “О, дивный новый мир” – в другом переводе) и даже дали аналогичное название одной из глав своей книги “Потомки царя Ирода”, разоблачающей политику “планирования семьи”. Поэтому для нас было неожиданностью, что известный американский оппозиционер Линдон Ларуш и его соратники считают Хаксли вовсе не обличителем идеи “прекрасного нового мира”, а одним из его главных проектантов, разработчиков, пропагандистов. То есть не борцом со злом, а, напротив, его творцом.

Мы перечитали роман, а поскольку к этому времени нам уже было известно довольно много и о контроле над рождаемостью в разных странах, и о школьном секс-просвете, и о новых технологиях обработки массового сознания, и о других глобализационных процессах, мы испытали состояние, близкое к шоку, увидев, сколь многое из того, что автор насочинял в далёкие 30-е годы XX века, уже сбылось. При первом прочтении, когда мы ещё всего вышеперечисленного не знали, а о многом даже не догадывались, книга Хаксли была нами воспринята как некая развёрнутая метафора или, скорее, фантазмагорическая гипербола. В общем, как то́, чего в принципе не может быть, но что позволяет лучше донести до читателя авторскую мысль. Скажем, когда в сви́фтовском “Гулливере” встречаешь великанов, лилипутов, ясно же, что

это сатирические образы, символы. А теперь представьте: вдруг бы оказалось, что это не выдумка, а реальность? Что действительно существовали специальные лаборатории, в которых выводили и тех, и других...

Краткое содержание и некоторые аналогии

Но вернёмся к роману Хаксли и проведём небольшой сравнительный анализ. Действие разворачивается в Лондоне в некоем далёком будущем. Люди, живущие там, не рождаются естественным путём. Их штампуют на так называемых человекофабриках и с младенчества определённым образом воспитывают. В этом обществе все люди счастливы, поскольку там устранены факторы, порождающие печали и скорби: голод, нищета, болезни, старение, человеческие страсти. Ну, а если какие-то психологические проблемы всё же возникают, они легко устраняются с помощью безвредного наркотика – сомы. Однако есть ещё места, где люди живут по старинке. Один такой человек попадает в “прекрасный новый мир” и становится там настоящей сенсацией. Дикарь, как его прозвали представители новой цивилизации, не может и не желает её принять, несмотря на все удобства и преимущества, которые она сулит. Он глубоко страдает в мире всеобщего благоденствия и, в конце концов, накладывает на себя руки.

Ну, а теперь, кратко изложив содержание, приступим непосредственно к анализу и посмотрим, что из описанного уже осуществилось, что на подходе, а что так и осталось авторской фантазией. Пойдём прямо по тексту романа. Вот как он начинается: “Серое приземистое здание – всего лишь в тридцать четыре этажа. Над главным входом надпись: “Центрально-лондонский инкубатор и воспитательный центр”, на геральдическом щите – девиз Мирового Государства: “Общность, одинаковость, стабильность”.

Директор водит по зданию студентов и показывает им, как зарождается жизнь в “прекрасном новом мире”. Им предстоит тут работать, и надо дать им общую идею, чтобы они делали дело с пониманием. Но надо дать “лишь в минимальной дозе, иначе из них не выйдет хороших и счастливых членов общества. Ведь, как всем известно, если хочешь быть счастлив и добродетелен, не обобщай, а держись узких частных; общие идеи являются неизбежным интеллектуальным злом. Не философы, а собиратели марок и выпиливатели рамок составляют становой хребет общества”.

Вам последняя сентенция не напоминает установку на узкий профессионализм, которая на Западе давно стала привычным нормативом, а у нас пока ещё не прижилась, но усиленно пропагандируется?

Плановое человекопроизводство

О других вышеупомянутых реалиях (воспитательный центр, мировое государство) поговорим позже, а сейчас пройдем вместе со студентами в инкубатор. Конечно, пока ещё детей не выводят так, как описано у Хаксли. На технологии процесса мы вообще бы не стали фиксироваться. На наш взгляд, это не принципиально. Принципиален отказ от нормального, естественного зачатия и рождения, переход в этом вопросе на плановую экономику и поточное производство.

Что касается зачатия, то ЭКО (экстракорпоральное оплодотворение) уже стало не уникальной, а вполне рядовой, даже привычной медицинской процедурой. И вот парадокс: поскольку ЭКО преподносится как возможность для бесплодных женщин обрести материнство, по логике вещей следовало бы, не отказываясь от этой технологии, бросить все силы на борьбу с бесплодием и устранить те факторы, которые его вызывают. А вызывают его – это вам скажет любой акушер-гинеколог – раннее начало половой жизни, смена партнёров и сопутствующие “дурные болезни”. Самой надёжной профилактикой бесплодия является целомудренная жизнь. Но вместо целомудрия везде пропагандируется разврат. Есть также данные о том, что бесплодие может вызываться генетически изменёнными продуктами и даже прививками. Но вместо того, чтобы провести широкомасштабные независимые исследования, эту тему всячески замалчивают. А учёных, которые её пытаются поднять, притесняют.

ют и запугивают. Парадокс? Это как посмотреть! Если строить будущее по лекалам Хаксли, то всё логично. В “прекрасном новом мире” искусственное оплодотворение должно вытеснить естественное. Пока этого ещё не произошло, но тенденции именно таковы. ЭКО признано самым эффективным методом решения проблемы бесплодия, а поскольку число бесплодных пар увеличивается, то, соответственно, возрастает и число *детей из пробирки*. На данный момент таких детей в мире уже 1 миллион, в год появляется около 30.000. В основном, конечно, в развитых странах. У нас лоббисты новых репродуктивных технологий тоже стремятся урвать из бюджета как можно больше средств. Но поскольку бюджет ограничен, как-то так получается, что суммы, выделяемые на лечение бесплодия, приходится урезать. Традиционно настроенные специалисты возмущены: почему? А потому, что они не читали Хаксли и не чувствуют веяний времени.

С противоестественным рождением детей дела пока обстоят не так успешно, но работы ведутся. “Клонировать людей всё равно будут, – уверяют учёные. – Запрещай–не запрещай!” Вот что пишет публицист Иван Леонов: “Летом 2009 года BBC News сообщило о сенсационном достижении британских биологов из университета Ньюкасла: под руководством профессора Karim Nayernia создана искусственная сперма человека из стволовых клеток. Стволовые клетки были выделены из эмбрионов человека возрастом несколько дней, оставшихся после экстракорпорального оплодотворения. “Нам впервые удалось создать жизнь при помощи искусственной спермы”, – заявил в интервью BBC профессор Nayernia. Подобные опыты проводятся в США, Японии. СМИ тут же подхватили сообщение, причём на самом бульварном уровне. Теоретически подобная возможность оплодотворения таит в себе огромные возможности, захлёбываются от эйфории СМИ. Это означает, что ребёнок может родиться без участия мужчины или донорской спермы. Будет решена проблема мужского бесплодия. В будущем планируется подобным образом вывести здоровую, способную к оплодотворению женскую яйцеклетку, чтобы решить проблему бесплодия многих женщин” (Иван Леонов. “О Международных конгрессах по репродуктивному здоровью” www.rusline.ru/analitika/2012/02/11/put vo tmu/)

Наряду с подобными изысканиями число естественных рождений уже заметно сократилось, ведь появление на свет путём кесарева сечения – это тоже, согласитесь, не вполне естественные роды. Во многих странах так теперь рожают до 50–60% женщин! При этом убивают сразу двух зайцев: женщин, по сути, отучают от естественных родов, внушая, что рожать естественным образом опасно. Хотя на самом деле кесарево сечение, представляющее собой полостную операцию, гораздо опаснее для матери (поскольку рубец на матке может в дальнейшем создавать серьезные проблемы женского здоровья) и даже для ребёнка, у которого при резкой перемене давления нередко возникают различные мозговые нарушения вплоть до микрокровоизлияний в мозг. Кроме того, кесарево сечение позволяет достаточно эффективно сокращать рождаемость, так как следующая беременность после него рекомендуется не раньше, чем через 2–3 года. А порою и вовсе не рекомендуется. Собственно, поэтому творцы “прекрасного нового мира” и взяли эту операцию на вооружение.

К слову, плановая экономика в области демографии, казавшаяся такой фантастичной в романе Хаксли, теперь никого не удивляет. Китай несколько десятилетий жил под лозунгом, приравненным к приказу: “Один ребёнок на семью”. Сейчас из-за возникших демографических перекосов план по деторождению несколько изменился, но планирование всё равно не отменено. О необходимости ускоренными темпами сокращать рождаемость в тех или иных странах открыто говорится с трибуны ООН. В Индии недавно запущена новая программа, направленная на мужчин: “Автомобиль в обмен на стерилизацию”. Новизна, впрочем, относительная. Подобные мотивационные акции начали проводить ещё при жизни Хаксли. Правда, тогда награда выглядела скромнее. Могли предложить коробку мыла или элементарную медицинскую помощь для уже рождённых детишек. Кстати, количество обитателей “прекрасного нового мира”, озвученное в романе, составляет 2 миллиарда человек. Интересно, что именно эта цифра на протяжении многих десятилетий приводится в качестве оптимальной сторонниками идей Римского клуба, выпустившего в 60-е годы доклад “Пределы роста”, с которого, собственно,

и начались программы планового сокращения рождаемости на Земле. Но Хаксли-то назвал эту цифру на 30 лет раньше!

Пожалуй, нам стоит двинуться за студентами в следующий зал: зал Предрепроделения, где зародыши помещаются в заведомо неравноценные условия, поскольку они, когда созреют, должны принадлежать к разным кастам и обладать запрограммированными свойствами, чтобы эффективно выполнять предназначенную для них работу.

О том, что глобалистское общество будущего, представляющее собой Мировое Государство, которое упоминалось в самом начале романа, должно быть кастовым, пока официально не говорится. Об этом можно прочитать в антиглобалистской литературе, но чтобы избежать обвинений в конспирологии, мы эту тему педалировать не будем. Скажем только, что гениальная инженерия успешно развивается, и возможность заказать определённые внешние данные и даже дарования своего будущего ребенка становится всё более представимой.

Формирование “правильных” установок

Теперь пройдем за студентами в “Младопитомник”. Залы неопавловского формирования рефлексов. Автор описывает жуткую процедуру выработки у младенцев касты “дельта”, одной из низших каст *brave new world*, отвращения к книгам и цветам. То есть к знаниям и к природе. Восьмимесячных младенцев привозят в зал, где стоят прекрасные розы и лежат книжки с яркими иллюстрациями. И когда малышки доползают до них, их пугают звуками воющей сирены, а потом, чтобы закрепить отрицательный рефлекс, включают подведённый к полу ток. И вскоре, когда малышам уже без сирен и тока показывают вазы с цветами и картинки, они съёживаются от ужаса и начинают реветь.

Тут, наверное, кто-нибудь возразит: дескать, в реальности до сих пор младенцев сиренами не пугают и током не бьют. Что правда, то правда. Но сам принцип образной и понятийной склейки чего-то прекрасного, возвышенного с тем, что вызывает презрительный смех или даже отвращение, стал одним из главных принципов обработки массового сознания с самого раннего возраста. И наоборот: современная масс-культура целенаправленно приучает детей любить безобразное. Все эти монстры, киборги, человеки-пауки, черепашки-ниндзя, куклы Братц, трансформеры и т. п. благодаря широкой рекламе становятся для детей чем-то крайне заманчивым, притягательным, вождельным. В результате у них не только портится вкус, но и искажаются ценностные ориентиры, деформируются психика и личность. Причём происходит это именно в том направлении, в котором сызмальства формировали психику граждан “прекрасного нового мира”. Что характерно для их психологии?

Прежде всего, это идеальные потребители. Хочется особо отметить, что в конце 20-х годов, когда писался роман, никакого *общества потребления* в мире не было и в помине. Америка приближалась к Великой депрессии, Европа никак не могла оправиться после Первой мировой войны и двигалась в сторону фашизма, в России только начались индустриализация и коллективизация, так что потреблять было особенно нечего и не на что. Подавляющее большинство прочих стран и вовсе были колониями, где царили страшная эксплуатация и нищета. Хаксли же удивительно точно описал то, что стали создавать через три-четыре десятилетия. Он даже четко продемонстрировал, как в этом обществе потребности не только удовлетворяются, а — что принципиально важно! — **формируются** при помощи манипуляций сознанием. Любопытно, правда?

Путём гипнопедии — внушения во сне (сейчас с этим успешно справляется телевизор, вгоняющий человека в транс, в котором внушение особенно сильно действует) — героев Хаксли приучали постоянно потреблять, любить все новое. “Овчинки не стоят починки. Чем старое чинить, лучше новое купить. Прорехи зашивать — беднеть и горевать”, — эти и другие установки ежедневно получали дети в рамках нового нравственного воспитания. И усваивали их на всю свою счастливую жизнь.

Что-то, а уж это осуществилось на Западе, и особенно в США, по полной программе. Да и у нас потребительская психология стремительно оккупирует человеческие души. Разве что бедность пока мешает этой психологии

стать массовой. Ну, а кто побогаче, те выбрасывают на помойку не только сломанные вещи и приборы (которые можно было бы починить), но и вполне исправные, потому что они, как теперь принято выражаться, “морально устарели”. И делают это с каким-то особым чувством: дескать, именно так должны теперь жить *белые люди*.

Кстати, какое вроде бы идиотское словосочетание: “морально устареть”! При чём тут мораль? Но, исходя из логики “прекрасного нового мира”, это не такой уж абсурд. Во всяком случае, какая-то, пусть и косвенная, связь с моралью здесь существует, поскольку отлынивать от постоянного обновления вещевого арсенала аморально для потребителей. Праведный потребитель должен потреблять постоянно, иначе по какому праву он небо коптит? В связи с этим и отучение от книг приобретает дополнительный смысл. О том, что невежественной чернью, у которой не развито мышление, легче управлять, знали ещё в древности. Но для общества потребления культура неприемлема ещё и тем, что (цитируем Хаксли) “сидя за книгой, много не потребишь”. Особенно за серьёзной книгой, которую нельзя просмотреть по диагонали.

Хаксли рисует общество, в котором не знают и знать не желают о Шекспире, историю презирают и тоже выбрасывают на помойку как морально устаревшую. “История, – заявляет Постоянный Главноуправитель Западной Европы, один из десяти Главноуправителей мира, – сплошная чушь... Он сделал сметающий жест, словно невидимой метёлкой смахнул горсть пыли, и пыль та была Ур Халдейский и Хараппа, смёл древние паутинки, и то были Фивы, Вавилон, Кнос, Микены. Ширк, ширк метёлочкой – и где ты, Одиссей, где Иов, где Юпитер, Гаутама, Иисус? Ширк! – и прочь полетели крупинки античного праха, именуемые Афинами и Римом, Иерусалимом и Средним царством. Ширк! – и пусто место, где была Италия. Ширк! – сметены соборы; ширк, ширк! – прощай, “Король Лир” и Паскалевы “Мысли”. Прощайте, “Страсти”, ау, “Реквием”; прощай, симфония; ширк! ширк!..”

В наши дни это уже вовсе не фантастика. “Человек толпы”, ещё двадцать лет назад стеснявшийся своих ограниченных знаний в области науки, культуры и искусства, теперь немало этим не смущён. А тех, кто такими знаниями обладают, презрительно называет “ботаник”. (Нет ли и тут отдалённой переклички с Хаксли? Ведь малышам касты дельта прививали нелюбовь именно к растительному миру, к ботанике, поскольку плановому потребительскому обществу нужно, чтобы его члены, выезжая за город и, соответственно, загружая транспорт, не любовались цветочками и листочками, а занимались такими видами спорта, которые требуют дорогого оборудования и инвентаря).

Взрослые и детские забавы

Но люди, насыщенные хлебом (а голод, как мы уже упоминали, в “прекрасном новом мире” побеждён), требуют зрелищ. Правители и об этом позаботились. “Летишь вечером в ощущалку, Генри? – спрашивает один герой другого. – Я слышал, сегодня в “Альгамбре” первоклассная новая лента. Там любовная сцена есть на медвежьей шкуре; говорят, изумительная. Воспроизведён каждый медвежий волосок. Потрясающие осязательные эффекты”.

Ну и что? Разве, глядя из сегодняшнего дня, мы усматриваем в этом нечто небывалое? В последние годы только и слышишь про спецэффекты в кино, причём нередко в таком контексте: фильм, дескать, не ахти, зато спецэффекты потрясающие! Осязательных, правда, пока не добились, но это, как уверяют учёные, дело недалекого будущего. А вот запахи и трёхмерное изображение, создающее так называемый “эффект присутствия”, – это сколько угодно. В Японии даже появилась первая виртуальная певица. Её не только слышат, но и видят. И не на экране, установленном на сцене, а как живую. Голосок ещё немного ненатуральный, электронный, но наука развивается и в этом направлении.

Фиксация именно на эротической сцене в ощущалке тоже не случайна. В конце 20-х годов прошлого века это свидетельствовало об очень смелой фантазии автора и в реальном кино было совершенно непредставимо. Сейчас же, напротив, почти не встретишь фильма без подобных сцен. Даже если они совсем ни к селу, ни к городу и производят впечатление чего-то вымученного. Как будто этого требует цензура (которой якобы нет): не вымарать, а на-

оборот – вставить “сексуальный стимул”. Впору вспомнить советское время, когда в любую диссертацию, даже на тему совершенствования доменных печей, полагалось вставлять цитаты из классиков марксизма-ленинизма. Без этого диссертационную работу не принимали в ВАК (Высшую аттестационную комиссию). И делалось это не из-за прихоти какого-нибудь марзматического чиновника, а потому, что вся жизнь в государстве должна была быть пронизана марксистско-ленинской идеологией.

А в “прекрасном новом мире” в качестве важнейшей идеологической составляющей выступает тотальная сексуализация. Детей с самого нежного возраста обучают основам секса. В странах Запада это уже давно не подлежит обсуждению. “Секс-просвет” входит в программы дошкольного воспитания где-то – с пяти, а где-то – и с трёх лет. Во второй половине 90-х годов пришлось приложить огромные усилия к тому, чтобы наша страна не последовала этому примеру. Всё было готово: от программ, наскоро переведённых с английского и голландского языков, до обучающих мультфильмов и мультяшек. Но, слава Богу, планы эти реализовать не удалось, хотя периодические вылазки “просвещенцев” в школы происходят. А в журналах для родителей можно прочитать о том, что ни в коем случае не надо препятствовать эротическим детским играм, поскольку они якобы способствуют нормальному взрослению ребенка.

Что ж, Хаксли выразительно описал в своём романе и такие развивающие игры: “В траве на лужайке среди древовидного вереска двое детей – мальчик лет семи и девочка примерно годом старше – очень сосредоточенно, со всей серьёзностью учёных, углубившихся в научный поиск, играли в примитивную сексуальную игру.

– Очаровательно, очаровательно! – повторил сентиментально Директор.

– Очаровательно, – вежливо поддакнули юнцы. Но в улыбке их сквозило снисходительное презрение. Сами лишь недавно оставив позади подобные детские забавы, они не могли теперь смотреть на это иначе, как свысока. Очаровательно? Да просто малыши балуются, и больше ничего. Возня младенческая.

– Я всегда вспоминаю, – продолжал Директор тем же слащавым тоном, но тут послышался громкий плач.

Из соседних кустов вышла няня, ведя за руку плачущего мальчугана. Следом семенила встревоженная девочка.

– Что случилось? – спросил Директор.

Няня пожалала плечами.

– Ничего особенного, – ответила она. – Просто этот мальчик не слишком охотно участвует в обычной эротической игре. Я уже и раньше замечала. А сегодня опять. Расплакался вот...

– Ей-форду, – встрепенулась девочка, – я ничего такого нехорошего ему не делала. Ей-форду. (Форд – это предтеча и божество обитателей “прекрасного нового мира”. – И. М., Т. Ш.)

– Ну, конечно же, милая, – успокоила её няня. – И теперь, – продолжала она, обращаясь к Директору, – веду его к помощнику старшего психолога, чтобы проверить, нет ли каких ненормальностей.

– Правильно, ведите, – одобрил Директор, и няня направилась дальше со своим по-прежнему ревушим питомцем. – А ты останься в саду, деточка. Как тебя зовут?

– Полли Троцкая.

– Превосходнейшее имя, – похвалил Директор. – Беги-ка поищи себе другого напарничка.

Девочка вприпрыжку побежала прочь и скрылась в кустарнике.

– Прелестная малютка, – молвил Директор, глядя ей вслед, затем, повернувшись к студентам, сказал: – То, что я вам сообщу сейчас, возможно, прозвучит как небылица. Но для непривычного уха факты исторического прошлого в большинстве звучат как небылица.

И он сообщил им поразительную вещь. В течение долгих столетий до эры Форда и даже потом ещё на протяжении нескольких поколений эротические игры детей считались чем-то ненормальным (взрыв смеха) и, мало того, аморальным (“Да что вы!”), и были поэтому под строгим запретом.

Студенты слушали изумлённо и недоверчиво. Неужели бедным малышам не позволяли забавляться? Да как же так?

- Даже подросткам не позволяли, – продолжал Директор, – даже юношам, как вы...
- Быть того не может!
- И они, за исключением гомосексуализма и самоуслаждения, практикуемых украдкой и урывками, не имели ровно ничего.
- Ни-че-го?
- Да, в большинстве случаев ничего – до двадцатилетнего возраста.
- Двадцатилетнего? – хором ахнули студенты, не веря своим ушам.
- Двадцатилетнего, а то и дольше. Я ведь говорил вам, что историческая правда прозвучит, как небылица.
- И к чему же это вело? – спросили студенты. – Что же получалось в результате?
- Результаты были ужасающие, – неожиданно вступил в разговор звучный бас”.

Меры безопасности

Поощряя детскую сексуальность, наставники в романе Хаксли точно так же, как теперь в “цивилизованном” мире, тщательно дрессируют подопечных на предмет использования противозачаточных средств. Героиня – её зовут Линайна – носит похожий на патронташ мальтузианский пояс, кармашки которого набиты контрацептивами. В годы написания романа гормональной контрацепции ещё не существовало, да и так называемая “барьерная” была во многих странах запрещена, но с тех пор сторонникам “планирования семьи” удалось произвести, как они сами её назвали, контрацептивную революцию. Мальтузианский пояс, правда, в современный обиход не вошёл, но “ответственные родители” на Западе собственноручно кладут в карман сыну и дочери презерватив. В последнее время, кстати, в Европе налажен выпуск этих изделий для двенадцатилетних отроков – детского размера.

Для борьбы с “незапланированной беременностью” в романе Хаксли широко применяется стерилизация, что тоже с успехом воплощено в жизнь на Западе, где к “чудесному способу хирургической контрацепции” (цитата из рекламного буклета) обращается до 30% и больше от общего числа семейных пар. А в контрацептивно-прогрессивной Канаде одних только женщин репродуктивного возраста (15–49 лет), “имеющих партнёра”, стерилизовано около трети – 31%! Плюс ещё мужчины – там это весьма популярно.

Нормального деторождения, как мы уже знаем, в “прекрасном новом мире” не существует. Оно считается преступным. Но тем, кто не стерилизован, доктора периодически рекомендуют пройти курс “псевдобеременности”. Врачи, ведающие “основным инстинктом”, играют в жизни обитателей антиутопии роль жрецов: их советам следуют безоговорочно, им доверяют абсолютно.

И тут аналогия с современностью практически полная. В западных странах, где давно налажено “планирование семьи”, девочки со школьной скамьи привыкают слушаться “своего гинеколога” больше, чем маму с папой, годами пьют гормональные контрацептивы, которые якобы совершенно безвредны, потом лечатся от ожирения, бесплодия, рака молочной железы, но при этом не связывают одно с другим и по-прежнему доверяют “компетентным специалистам в области женского здоровья”.

“Доктор Уэллс сказал, что трёхмесячный курс псевдобеременности поднимет тонус, оздоровит меня на три-четыре года”, – сообщает приятельница Линайны.

Казалось бы, уж такая очевидная глупость воплотиться не может! Ан нет! В 90-е годы, когда “планировщики” действовали в России нахраписто, – как в странах третьего мира, – сокращая рождаемость любыми способами, некоторые женщины изумлённо рассказывали, что гинеколог уверяет, будто бы беременность, заканчивающаяся абортom, полезна для организма. А одна женщина – врач-гинеколог – даже для убедительности сослалась на личный опыт: дескать, она и сама периодически прибегает к такому методу омоложения организма...

Взаимопользование

Приняв все необходимые меры предосторожности, обитатели мира Хаксли наслаждаются “безопасным сексом” до самой смерти. Под лозунгом “каждый принадлежит каждому” поощряется промискуитет, который называется “взаимопользованием полов”. Долго иметь дело с одним и тем же партнёром считается неприличным. Понятия любви или влюблённости отсутствуют. Когда Дикарь, известный персонаж книги Хаксли, читает одному из самых рафинированных интеллектуалов Гельмгольцу “Ромео и Джульетту”, он наталкивается на полное непонимание.

“Сцену их первой встречи, – пишет автор, – Гельмгольц прослушал с недоумённым интересом. Сцена в саду восхитила его своей поэзией, однако чувства влюблённых вызвали улыбку. Так взвинтить себя из-за взаимопользования – смешновато как-то”. Дочитать трагедию до конца Дикарю не удалось, так как, услышав о страданиях Джульетты, которую хотели выдать замуж за Париса, Гельмгольц зашёлся от хохота.

“Отец и мать (непотребщина в квадрате!) тащат, толкают дочку к взаимопользованию с неприятным ей мужчиной! А дочь, идиотка этакая, утаивает, что взаимопользуется с другим, кого (в данный момент, во всяком случае) предпочитает! Дурацки непристойная ситуация, в высшей степени комичная. До сих пор Гельмгольцу ещё удавалось героическим усилием подавлять разбивавший его смех; но “родная мать” (страдальчески, трепетно произнёс это Дикарь) и упоминание о мёртвом Тибальде, лежащем во мраке склепа, – очевидно, без кремации, так что весь фосфор пропадает зря, – мать с Тибальдом доконали Гельмгольца. Он хохотал и хохотал, уже и слёзы текли по лицу, и всё не мог остановиться...”

Упразднение родительства

Вас, наверное, удивила такая негативная реакция (“непотребщина в квадрате”) на упоминание о матери с отцом. Но ничего удивительного тут нет. В мире Хаксли семьи не существует. Слова “отец” и “мать” считаются неприличными и фактически находятся под запретом. До недавнего времени уж это-то казалось не только неосуществимой, а даже невообразимой фантастикой. Но – нет! В 2010 году мир облетела новость, что госдепартамент США запретил использовать в официальных бумагах слова “отец” и “мать”, заменив их на “родитель № 1” и “родитель № 2”. Впрочем, в духе “прекрасного нового мира” и термин “родитель” рано или поздно будет упразднён. В романе Хаксли все дети росли в воспитательных центрах. На Западе, где прочно воцарилась ювенальная юстиция, всё больше детей под разными предлогами изымается из семьи. У нас в последние годы эту систему тоже пытаются внедрить. Отсюда – попытки расширить права органов опеки, изменить законодательство в ювенальную сторону, дискриминационная финансовая политика в сфере поддержки кровных семей и т. п.

В конце 2010 года все, даже отъявленные либералы, были шокированы известием о том, что Общественная палата собирается представлять на Госсовете президенту некий форсайт-проект (то есть проект будущего) “Детство-2030”. Текст был таким нагло, таким **неправдоподобно** антисемейным, что многие сочли его творчеством умалишённых. Вот что значит – столько лет прозябать за железным занавесом! Какая же это маргинальщина? Самый что ни на есть мейнстрим. Читайте Хаксли, господа. Он ещё в другом “Форсайте 30” – сто лет назад! – всё наметил. Наши отечественные форсайтчики куда мягче, куда осторожней в выражениях: дескать, кровная семья безнадежно устарела... Хаксли выражается с солдатской прямоотой. И куда только подевалась его интеллектуальная утончённость? “Родной, родимый дом... В комнатёнках его, как сельди в бочке, обитатели: мужчина, периодически рожаящая женщина и разновозрастный сброд мальчишек и девчонок. Духота, теснота; настоящая тюрьма, притом антисанитария, темень, болезни, вонь. (Главноуправитель рисовал эту тюрьму так живо, что один студент, повпечатлительнее прочих, побледнел и его чуть не стошнило)”.

“Родительская любовь – тоже устаревший миф”, – ласково нашёптывают авторы нашего, отечественного форсайта.

Хаксли же и тут рубит сплеча: “А в духовном смысле родной дом был так же мерзок и грязен, как в физическом. Психологически это была мусорная яма, кроличья нора, жарко нагретая взаимным трением стиснутых в ней жизней, смердящая душевными переживаниями. Какая душная психологическая близость, какие опасные, дикие, смрадные взаимоотношения между членами семейной группы! Как помешанная, тряслась мать над своими детьми (своими! родными!) – ни дать ни взять как кошка над котятками, но кошка, умеющая говорить, умеющая повторять без усталости: “Моя детка, моя крохотка”.

У Хаксли все дети без исключения растут в воспитательных центрах, то есть в детских домах. Авторы российского “Форсайта” гуманно предлагают альтернативы в виде различных “воспитательных сообществ”. Даже идею отмены школы, закачки информации прямо в мозг через интернет, которая так шокировала либерально настроенных граждан, доморощенные методологи слизали у творца “прекрасного нового мира”. Он, правда, несмотря на свои гениальные прогностические способности, до чипов не додумался. Вот что видят студенты, когда на экскурсии их знакомят с гипнопедией (для нашей цивилизации это уже вчерашний день): “Они вошли и оказались в сумраке зашторенного спального зала. У стены стояли в ряд восемьдесят кроваток. Слышалось лёгкое, ровное дыхание и некий непрерывный бормоток, точно слабенькие голоса журчали в отдалении.

Навстречу вошедшим встала воспитательница и застыла навтыяжку перед Директором.

– Какой проводите урок? – спросил он.

– Первые сорок минут были уделены началам секса, – ответила она. – А теперь переключила на основы кастового самосознания.

Директор медленно пошёл вдоль шеренги кроваток. Восемьдесят мальчиков и девочек тихо дышали, раздумываясь от сна. Из-под каждой подушки тёк шёпот”. Тихий, но отчётливый голос перечислял преимущества их принадлежности к касте бета: “До подъёма им повторяют это ещё разочков сорок или пятьдесят, затем снова в четверг и в субботу. Трижды в неделю по сто двадцать раз в продолжение тридцати месяцев”, – сказал директор. И добавил: “Покуда, наконец, всё сознание ребёнка не заполнится тем, что внушил голос, и то, что внушено, не станет в сумме своей сознанием ребёнка. И не только ребёнка, а и взрослого – на всю жизнь. Мозг рассуждающий, желающий, решающий – весь насквозь будет состоять из того, что внушено. Внушено нами!.. Внушено Государством!”

Культура развлечений

В “прекрасном новом мире” побеждены не только болезни, но и старость: “В недобрые прежние времена старики отрекались от жизни, уходили от мира в религию, проводили время в чтении, в раздумье – сидели и думали!.. Теперь же настолько шагнул прогресс: старые люди работают, совокупляются, беспрестанно развлекаются; сидеть и думать им некогда и недосуг”. Ну, чем не современная западная действительность? Да и у нас уже пропагандируют “секс для пожилых” и чудодейственные средства, которые этому споспешествуют. Что же касается беспрестанных развлечений, то ради них и из дома выходить не надо, только включи телевизор – и развлекайся до умопомрачения.

Вообще любопытно, что развлечения в мире Хаксли как-то уж очень напоминают современные стандарты культурного отдыха: “В последовавшие затем недели она не раз подумывала, а не отменить ли поездку в Нью-Мексико и не слетать ли взамен с Бенито Гувером на Северный полюс. Но только была она уже на полюсе – недавно, прошлым летом, с Джорджем Эдзелом, – и безотрадно оказалось там. Заняться нечем, отель до жути устарелый: спальни без телевизоров, и запахового органа нет, а только самая наидряннейшая синмузыка и всего-навсего двадцать пять эскалаторных кортов на двести с лишним отдыхающих”.

И понимание свободы как возможности беспрестанно развлекаться и наслаждаться тоже вполне узнаваемо. Тут можно возразить: “А что нового в таком понимании свободы? Разве когда-нибудь было иначе?”

Но мы зададим встречный вопрос: когда, в какие исторические эпохи были тождественные приоритеты? И, пожалуй, кроме древнего Рима периода

упадка ничего больше не припомним. Да и там, кстати, так жила весьма значительная часть привилегированного населения. А остальные, когда те наслаждались, обеспечивали им эту возможность. В христианском же мире понимание свободы как беспрепятственных наслаждений стало невозможно. Даже те, кто по социально-экономическому положению мог себе такое позволить (и, по слабости человеческой природы, позволяя!) не провозглашали это как нравственную норму.

Не будем долго распространяться об очевидном, но всё же напомним, что в христианстве имеет ценность лишь свобода от греха. Те же развлечения, которые живописует Хаксли и которые с какой-то маниакальной назойливостью навязывают современным людям сильные мира сего (и многие уже на эту приманку увлечены), – эти развлечения не просто греховны, а представляют собой прямо-таки торжество порока. Порока, возведённого в норму и даже ставшего эталоном поведения. Разврат, в том числе детский (о содомии Хаксли писать, видимо, не решился, хотя намёки на это “развлечение” в книге есть), коллективное беснование на “сходках единения” (так у Хаксли называется сатанинская пародия на агапы, которые были приняты у первых христиан), легальное и поголовное употребление наркотиков – сегодня всё это является отнюдь не гипотетическими, а вполне реальными целями глобалистов. Целями, которые, как теперь принято говорить, находятся в шаговой доступности. В европейских школах программы “сексуального воспитания” давно стали реальностью, а 25 октября 2010 года на заседании ООН один из специалистов в области образования Вернор Мунозу предложил ввести обязательное “сверхнародное” и “всемирное” сексуальное воспитание для детей **от 5 лет** во всех государствах ООН, что вызвало бурную дискуссию между членами ООН (res.claritatis.cz/zpravy/z-domova/delegt-osn-oznail-boenstv-zajnejvt-oblm/4254?PHPSESSID=62638cda8a0ec91459d0eee2a5b8aff). Книга, которая послужила фундаментом для этого предложения, гласит: “Радость секса должна быть главной целью общего сексуального воспитания”. Более того! “Право может быть полностью гарантировано только тогда, когда дети пройдут курс общего сексуального воспитания сразу, в начале школьного обучения” (см. там же).

Новая религия

Попытки создания некоей универсальной религии пока не увенчались успехом, однако носят весьма активный характер. То мы узнаём, что где-то строится храм для представителей самых различных религиозных культов, то, когда мы приезжаем за границу, нам предлагают посетить в качестве туристского объекта бахаистский сад. Но вовсе не для того, чтобы мы полюбовались экзотическими растениями, а чтобы познакомить нас с новой религией, созданной в XIX веке и утверждающей единство всех религий.

Но есть и более серьёзные явления. В 1893 году деятели наднациональной элиты из числа членов масонских лож формируют Всемирный парламент религий, который впервые публично поставил вопрос о создании Организации объединённых религий. (Историю вопроса см. подробнее в монографии Г. Морозовой “Третий Рим против нового мирового порядка”. М., Институт русской цивилизации, 2009. С. 17–22.) Сто лет всё шло ни шатко ни валко, но в конце XX века процесс активизировался. Особенно радели о создании Организации объединённых религий епископ американской епископальной церкви В. Свинг и... бывший генсекретарь ЦК КПСС М. С. Горбачёв. Не правда ли, неожиданно для марксиста-атеиста? В 1993–1997 годах Свинг объехал много стран, но поддержки от лидеров главных мировых религий не получил. Зато руководители сект, оккультных и сатанинских сообществ откликнулись охотно. В сентябре 1995 года на территории бывшей военной базы США Президио, где теперь располагается американская резиденция Фонда Горбачёва (интересно, правда?), этот Фонд собрал свой первый Всемирный форум, на котором была оглашена основная задача на ближайшую пятилетку: изложение “фундаментальных приоритетов, ценностей и действий, необходимых для руководства человечеством на пути развития первой глобальной цивилизации”. На втором Всемирном форуме уже говорилось, что “контроль над мировыми религиями – контроль над человечеством”, и выдвигались идеи некой

глобальной этики, которая демонстративно противопоставляется Девяти евангельским заповедям блаженства. В создании Организации объединённых религий заинтересован и вездесущий Фонд Рокфеллера. Но хотя в июне 1997 года было принято решение начать деятельность ООР с 2000 года, эта затея практически провалилась, поскольку ни одна из мировых религий не согласилась войти в Организацию объединённых религий официально. Попытки наднациональной элиты поставить под контроль мировые религии пока не удались, но они продолжают.

Что до легализации наркотиков, — а в мире Хаксли наркотическая “сома” представляла собой неотъемлемый атрибут повседневной жизни, — то во многих странах наркотики уже частично разрешены. Где-то напрямую (легализация употребления марихуаны), а где-то — слегка закамouflированно, под видом так называемой заместительной терапии, когда вместо героина потребителям за казённый счет выдают другой наркотик — метадон. В Скандинавии людям прописывают лекарства, которые даже своим названием стилистически близки Хаксли — “таблетки счастья”. Их пьют и взрослые, и даже дети. Пьют годами. Точный состав этого волшебного препарата нам узнать не удалось: русские, живущие в тех краях, стараются на “таблетки счастья” не подсаживаться. Видимо, срабатывает здоровый консерватизм. Хотя можно предположить, что это антидепрессанты типа “Паксила”, “Прозака” (даже фильм такой есть — “Нация прозака”) и т. п. Но и без точных данных о составе понятно, что у человека вырабатывается стойкая зависимость. Пьёшь таблетки — есть счастье. Брошаешь — его как не бывало. Чем не “сома”?

Однако всего этого создателям реального “нового мира” уже мало. Программа-минимум, можно сказать, уже выполнена. И вот комитет ООН выступает с инициативой легализовать лёгкие наркотики уже не в отдельно взятой стране, а в масштабе земного шара. И глобальный финансист Сорос одобряет и поддерживает это “полезное” начинание.

Наука — враг стабильности

Чрезвычайно интересна и судьба науки в романе Хаксли. В конце произведения приводится разговор Главноуправителя Мустафы Монда с Дикарем и двумя интеллектуалами, Гельмгольцем и Бернардом. Кстати, выбор имени и фамилии Главноуправителя тоже любопытен. Принято считать, что он назван так по имени основателя Турции после Первой мировой войны Кемалю Мустафю Ататюрку, который запустил в стране процессы модернизации и официальной секуляризации общественной жизни, а фамилия позаимствована у английского финансиста Альфреда Монда, ярого врага рабочего движения. Но напрашивается и другая трактовка: *monde* по-французски — “мир”, а тут речь идёт об одном из главных мироуправителей; кроме того, Мустафа — популярнейшее мусульманское имя. В первой трети XX века, правда, ничто не предвещало “великого переселения” мусульман в Европу и, соответственно, резкого усиления мусульманского фактора в мировой политике. Ну, да ведь и многое другое, описанное в романе Хаксли, казалось бы, и во сне не могло бы тогда присниться. . .

Но обратимся к содержанию беседы. Мустафа Монд раскрывает карты, объясняя принципы, по которым сконструирован “прекрасный новый мир”.

“Теперь же мир стабилен, устойчив, — говорит Главноуправитель (ещё одна достойная внимания деталь: глобалистская концепция устойчивого развития появилась намного позже, в начале 70-х годов прошлого столетия!). — Люди счастливы; они получают всё то, что хотят, и не способны хотеть того, чего получить не могут. Они живут в достатке, в безопасности; не знают болезней; не боятся смерти; блаженно не ведают страсти и старости; им не отвращают жизнь отцы и матери; нет у них ни жён, ни детей, ни любви — и, стало быть, нет тревожений; они так сформированы, что практически не могут выйти из рамок положенного. Если же и случаются сбои, то к нашим услугам сома. А вы её выкидываете в окошко, мистер Дикарь, во имя свободы. Свободы! — Мустафа рассмеялся. — Вы думали, дельты (низшая раса. — **И. М., Т. Ш.**) понимают, что такое свобода! А теперь надеетесь, что они поймут “Отелло”! Милый вы мой мальчик!”

Ради стабильности пришлось пожертвовать не только высоким искусством, потому что оно может вызывать вредные для счастья переживания, но и наукой.

“Мы не хотим перемен, — откровенничает Мوند. — Всякая перемена — угроза стабильности. И это вторая причина, по которой мы так скупно вводим в жизнь новые изобретения. Всякое чисто научное открытие является потенциально разрушительным; даже и науку приходится иногда рассматривать как возможного врага... Меня влечёт истина. Я люблю науку. Но истина грозна; наука опасна для общества. Столь же опасна, сколь была благотворна. Наука дала нам самое устойчивое равновесие во всей истории человечества. Китай по сравнению с нами был безнадежно неустойчив; даже первобытные матриархи были не стабильней нас. И это, повторяю, благодаря науке. Но мы не можем позволить, чтобы наука погубила своё же благое дело.

Вот почему мы так строго ограничиваем размах научных исследований... Мы даём науке заниматься лишь самыми насущными сиюминутными проблемами. Всем другим изысканиям неукоснительно ставятся препоны. А занятно бывает читать, — продолжал Мустафа после короткой паузы, — что писали во времена Господа нашего Форда о научном прогрессе. Тогда, видимо, воображали, что науку можно позволить развиваться бесконечно и невзирая ни на что. Знание считалось верховным благом, истина — высшей ценностью; всё остальное — второстепенным, подчинённым. Правда, и в те времена взгляды уже начинали меняться. Сам Господь наш Форд сделал многое, чтобы перенести упор с истины и красоты на счастье и удобство. Такого сдвига требовали интересы массового производства. Всеобщее счастье способно безостановочно двигать машины; истина же и красота — не способны. Так что, разумеется, когда властью завладевали массы, верховной ценностью становилось всегда счастье, а не истина с красотой. Но несмотря на всё это, научные исследования по-прежнему ещё не ограничивались. Об истине и красоте продолжали толковать так, точно они оставались высшим благом. Это длилось вплоть до Девятилетней войны. Война-то и заставила нас запеть по-другому. Какой смысл в истине, красоте или познании, когда кругом лопаются сибиреязвенные бомбы? После той войны и была впервые взята под контроль наука. Люди тогда готовы были даже свою жажду удовольствий обуздать. Всё отдавали за тихую жизнь. С тех пор мы науку держим в узде. Конечно, истина от этого страдает. Но счастье процветает. А даром ничто не даётся. За счастье приходится платить”.

Вам не кажется поразительным время написания этого монолога, больше напоминающего манифест? Если про контрацептивы, разрушение семьи и даже объединение религий можно сказать, что эти идеи уже достаточно давно витали в воздухе, то такой взгляд на место и роль науки в обществе был для начала XX века просто немыслим. Наука в то время была на подъёме, её роль стремительно возрастала. Казалось, ещё немного — и она достигнет таких высот, что человек с её помощью станет полновластным хозяином Вселенной, раскроет все её тайны, научится ею управлять. Словом, займёт место Бога. И действительно, открытия сыпались, как из рога изобилия. А потом, в последние десятилетия XX века, всё произошло точно по Хаксли. Так называемую “чистую” науку, теоретические исследования в области физики и царицы наук — математики — свернули. Причём не только у нас, как думают многие патриоты, в глубине души остающиеся неисправимыми западниками. (В том смысле, что они до сих пор находятся во власти иллюзии, будто нас Запад губит, а сам процветает. Из чего следует, что они там, на Западе, всё равно молодцы — умеют жить!)

Всемирное государство

Мы уже упомянули о мировом государстве и о страшной войне, которая предшествовала его образованию. Пора остановиться на этом подробнее. В конце 20-х годов, в период написания романа, читающая публика воспринимала подобные идеи как нечто отвлечённо-философское, как издержки авторской фантазии. Такое развитие событий подавляющее большинство людей не считали даже теоретически возможным. Несмотря на бурный научно-технический прогресс, жизнь была ещё достаточно патриархальной, страны не

были похожи друг на друга, ни у одного государства или каких-либо иных сил не было ни финансовых, ни военных возможностей для покорения всего мира. Даже шестьдесят лет спустя, в начале 90-х, редкие материалы о том, что за спиной западных стран-участниц двух мировых войн стояли банкиры, чьей основной целью была не просто нажива, а постепенная отмена суверенитета всех государств, в том числе и крупных держав (которые для осуществления этой цели и нужно было ослабить войной), и что цель эта, несмотря на победу СССР во Второй мировой войне, в значительной степени была достигнута, — такие материалы почти не воспринимались нашим обществом, поскольку шли вразрез с общепринятой трактовкой истории. Понадобилось ещё двадцать лет, чтобы если не все, то хотя бы заметное число людей перестали с презрительной усмешкой отмахиваться от неудобных фактов, называя их “конспирологическим бредом” и “теорией заговора”. Во-первых, потому что фактов стало известно уже очень много, в том числе и из переводных источников. А во-вторых, потому что заговорщики, набрав ещё больше силы после разрушения СССР, уже не особенно скрывают свои замыслы. Во всяком случае, о неотвратимости глобализации, то есть о создании всемирного государства, говорится уже открыто. И не только говорится, но и многое делается в этом направлении. Страны объединённой Европы (а это уже значительный кусок глобализованного мира!), лишившиеся своих национальных валют и стремительно утрачивающие политическую самостоятельность, сейчас вплотную подошли к необходимости унификации законодательства. Ведь в едином европейском государстве, ставшем частью и одновременно прообразом всемирного государства, люди должны жить по одним и тем же правилам. Процесс этот, конечно, непростой (а сейчас, в связи с надвигающимся экономическим коллапсом, единая Европа трещит по швам!) и наталкивается на сопротивление. Но тем не менее, он идёт.

Страны же “периферии” чем дальше, тем больше обрекаются “центром” на деградацию под усыпляющие бдительность посулы бороться с нищетой, болезнями и неграмотностью. Делается это намеренно. Не надо быть семи пядей во лбу, чтобы понять: на самом деле за столько лет “борьбы с бедностью” при желании в любой из стран третьего мира можно было бы создать достаточно сильную экономику и существенно улучшить жизнь людей. Особенно если учесть богатство природных ресурсов этих стран. Но даже и не очень богатые страны (например, Куба) благодаря настоящей, не фиктивной помощи, которую в своё время оказывал странам третьего мира Советский Союз, начинали интенсивно развиваться, создавали свою промышленность, науку, медицину... С разрушением СССР всё это закончилось, и мир начали стремительно *глобализировать*. Для развивающихся стран (заметьте, кстати, что их так уже и не называют, чтобы не было неправильных ассоциаций) это означает прекращение развития, поскольку периферия и не должна развиваться. Она должна обслуживать центр, а сама должна превратиться либо в безлюдный природный заповедник с небольшими этнографическими включениями для обслуживания туристов (именно такой вариант предложен у Хаксли), либо в гигантскую фабрику с использованием фактически рабского труда, либо в хранилище вредных отходов, либо в большой публичный дом для иностранных туристов, либо в полигон для социальных, медицинских и прочих экспериментов. Этот “прекрасный новый мир” XXI века пока только создаётся, его контуры лишь слегка обозначены, поскольку для тех, кого Хаксли называл “Элитой Власти”, было бы опрометчиво представлять его раньше времени. Ведь этот план предполагает радикальное сокращение населения Земли, потому что при такой картине мира большинство людей оказывается лишним, да и держать их в подчинении нелегко. Но как “сократить” миллиарды людей? Программы сокращения рождаемости, во-первых, работают на будущее, а во-вторых, по признанию самих *глобализаторов*, в полной мере не дают нужного эффекта. Население земного шара продолжает расти. Алкоголизация, наркотизация и криминализация населения, СПИД, разврат, вредные продукты и лекарства тоже лишь частично решают проблему перенаселённости. Похоже, другого выхода, кроме развёртывания грандиозной мировой войны, у глобалистов нет.

Поэтому некоторые страны под песни о “гуманитарной международной помощи” уже сделаны поставщиками “пушечного мяса”: в них десятилетиями не прекращаются войны, мальчишек с малолетства ставят под ружьё, и те, кому

удаётся дожить до зрелости, представляют собой прекрасно натренированных бойцов, неиссякаемый источник рекрутов для ЧВК (частных военных кампаний) – наёмных армий, которые подчиняются не руководству той или иной страны, а кому-то ещё. Этот кто-то пока предпочитает оставаться в тени, но его (их) наёмники, имеющие на вооружении самую современную технику, всё активнее участвуют в войнах. “Когда американские войска вошли в Ирак в марте 2003 года, – пишет Т. В. Грачёва, – они привезли с собой самую большую армию наёмников за всю историю современной войны. К концу 2006 года только в Ираке их насчитывалось 100 000. Тогда это было практически соотношение 1:1. Как сообщается в пресс-релизе сенатора Джима Вебба, по состоянию на июль 2007 года в Ираке уже насчитывалось 180.000 наёмников, в то время как численность американских регулярных сил составляла 156.247” (“Невидимая Хазария”, “Зерна”. Рязань, 2008. С. 108). Несколько раньше в Боснии соотношение наёмников и американских солдат сначала было 1:10, а затем этот показатель резко изменился и стал 1:1. “Это значит, что 50% операций в этом районе имели тайный, подрывной и официально нигде не учитываемый характер” (там же. С. 101). “Засветились” ЧВК и в грузино-осетинской войне. Да и в Ливии, судя по всему, без ЧВК не обошлось.

Императив расчеловечивания

Вопрос ценностных ориентиров “прекрасного нового мира” мы частично уже затрагивали, но в романе есть целая глава, специально посвящённая этому вопросу, и пройти мимо неё мы посчитали неправильным. Дикарь спорит с Главным управителем Мустафой Мондом, который говорит ему, что после Десятилетней мировой войны они, ради счастья оставшихся в живых людей, пожертвовали не только искусством и наукой, но и христианством. Библия и труды богословов надёжно заперты в сейфах, эти книги считаются неприличными. Подавляющее большинство обитателей “рая на Земле” даже не подозревают об их существовании. Элита знает о Боге, но считает, что (цитируем слова Монда) “Бог не совместим с машинами, научной медициной и всеобщим счастьем”. В мире, где молодости и благополучия хватает на всю жизнь, религиозность становится лишней. Раньше люди искали у Бога защиты от одиночества. “Теперь же, – говорит Мустафа, – мы внедряем в людей нелюбовь к уединению и так строим их жизнь, что оно почти невозможно”.

Наша современная “цивилизованная” жизнь тоже так устроена, что уединение почти невозможно. Подавляющее большинство людей живёт в городах или даже в мегаполисах, больше похожих на улы, нежели на места человеческого обитания. Младенцы рождаются в роддомах, где с первых минут жизни оказываются в окружении достаточно большого количества чужих людей (другие новорожденные и их матери, медперсонал, врачи). С первых лет жизни детей вынуждают проводить значительную часть времени в детских коллективах (яслях и детсадах). Это называется социализацией, и у многих современных родителей настолько промыты мозги, что они жертвуют здоровьем ребёнка, настаивая на посещении детского сада, даже когда ребёнок явно не справляется с такой нагрузкой: часто болеет, приобретает неврозы. Ну, а дальше – по накатанным рельсам: массовая школа, институт, работа. И везде – люди, люди, люди, огромное количество людей. В крупных компаниях, которые стремятся жить по западным лекалам, сотрудников не только заставляют сидеть в огромных помещениях на виду друг у друга, но и “социализируют” по выходным. У нас это уже получило название “корпоратив”. Если ты не участвуешь в корпоративном отдыхе, то становишься подозрительным для местных сотрудников безопасности, неблагонадёжным для своей фирмы.

Дикарь пытается сказать, что пороки, которыми услаждают себя “новомирцы”, унижительны.

“Соотносительно с чем? – возражает Монд. – Конечно, если взять иной, отличный от нашего критерий оценки, то не исключено, что можно будет говорить об унижении. Но надо ведь держаться одного набора правил”.

“Если бы вы допустили к себе мысль о Боге, то не унижались бы до услаждения пороками, – не унимается Дикарь. – Был бы тогда у вас резон, чтобы стойко переносить страдания, совершать мужественные поступки. Я видел это у индейцев”.

“Не сомневаюсь, – сказал Мустафа Монд. – Но мы-то не индейцы. Цивилизованному человеку нет нужды переносить страдания, а что до совершения мужественных поступков, то сохрани Форд от подобных помыслов. Если люди начнут действовать на свой страх и риск, весь общественный порядок полетит в тартарары”.

Ненужными оказываются и такие важнейшие для христиан добродетели, как самоотречение и самопожертвование. Общество потребления может эффективно функционировать лишь тогда, когда люди не отрекаются от своих желаний, а напротив – потворствуют им в самой высшей степени, какую только допускают гигиена и экономика.

Целомудрие не просто не нужно, оно вредно, поскольку якобы порождает страсть и неврастению, а те, в свою очередь, провоцируют нестабильность. Нестабильность же означает конец цивилизации. “Прочная цивилизация, – делает вывод Монд, – немыслима без множества услаждающих пороков”.

“Но в Боге заключается резон для всего благородного, высокого, героического. Будь у вас...”

– Милый мой юноша, – сказал Мустафа Монд. – Цивилизация абсолютно не нуждается в благородстве или героизме. Благородство, героизм – это симптомы политической неумелости. В правильно, как у нас, организованном обществе никому не доводится проявлять эти качества. Для их проявления нужна обстановка полной нестабильности. Там, где войны, где возникает конфликт между долгом и верностью, противление соблазнам, защита тех, кого любишь, или борьба за них, – там, очевидно, есть некий смысл в благородстве и героизме. Но теперь нет войн. Мы неусыпнейше предотвращаем всякую чрезмерную любовь. Конфликтов долга не возникает; люди так сформированы, что попросту не могут иначе поступать, чем от них требуется. И то, что от них требуется, в общем и целом так приятно, стольким естественным импульсам дается теперь простор, что, по сути, не приходится противиться соблазнам. А если всё же приключится в кои веки неприятность, так ведь у нас всегда есть сома, чтобы отдохнуть от реальности. И та же сома остудит ваш гнев, примирит с врагами, даст вам терпение и кротость. В прошлом, чтобы достичь этого, вам требовались огромные усилия, годы суровой нравственной выучки. Теперь же вы глотаете две-три таблетки – и готово дело. Ныне каждый может быть добродетелен. По меньшей мере, половину вашей нравственности вы можете носить с собой во флакончике. Христианство без слёз – вот что такое сома”.

Что это, как не кредо современной потребительской цивилизации? Разве не слышали мы в самом начале перестройки, что нормальной стране герои не нужны? Да и сейчас, хотя патриотизм вроде бы поднимают на щит, мы узнаём о современных героях, – таких как Евгений Родионов или Константин Васильев, – в основном, благодаря усилиям отдельных энтузиастов, а отнюдь не государственной информационной политике.

Благородство и целомудрие для глобалистской цивилизации опасны и вредны. Поэтому их как бы обезвреживают, гасят иронией. “Стольким естественным импульсам даётся теперь простор”, что люди, не желающие погружаться в “цивилизованное” скотство, не знают, куда от него деться. А им со всех сторон навязываются *теплохладность*, равнодушие, терпимое отношение ко злу, и всё это теперь называется толерантностью.

Очень важные вещи сказаны Главным Управителем и про духовный смысл наркотизации населения. Принято считать, что наркотики – один из способов убийства “лишних людей” (хотя сома в романе безвредна), а также средство отвлечения молодёжи от попыток вдуматься в смысл происходящих событий и занять активную, созидательную жизненную позицию. Но оказывается, есть и более глубокий, духовный пласт. Наркотики (во всяком случае, по замыслу Хаксли) должны вводить человека в состояние, которого христианин достигает путём долгой, упорной борьбы со своими страстями. А тут принял пару таблеток наркотики – и простил врагов, стяжал терпение и кротость. То есть это, помимо всего прочего, ещё и дьявольская пародия на христианство, выдаваемая за гениальный рецепт *осчастливливания* человечества.

Искушение комфортом. Блаженная сома

Но самый коварный аргумент автор устами Монда выдвигает в конце спора, фактически загоня Дикаря в угол. На этот эпизод важно обратить особое внимание. Именно так и действуют “цивилизаторы”, доказывая “отсталым нациям” неоспоримые преимущества вестернизированного образа жизни. Дикарь, правда, остаётся при своём мнении. Но многие ли люди, особенно молодые, не поколеблются в своём традиционализме, услышав такое? Итак, Дикарь говорит: “Но мне любы неудобства.

— А нам — нет, — сказал Главноуправитель. — Мы предпочитаем жизнь с удобствами.

— Не хочу я удобств. Я хочу Бога, поэзии, настоящей опасности, хочу свободы, и добра, и греха.

— Иначе говоря, вы требуете права быть несчастным, — сказал Мустафа.

— Пусть так, — с вызовом ответил Дикарь. — Да, я требую.

— Прибавьте уж к этому право на старость, уродство, бессилие; право на сифилис и рак; право на недоедание; право на вшивость и тиф; право жить в вечном страхе перед завтрашним днём; право мучиться всевозможными лютыми болями.

Длинная пауза.

— Да, это всё мои права, и я их требую.

— Что ж, пожалуйста, осуществляйте ваши права, — сказал Мустафа Монд, пожимая плечами”.

Да, именно на этом улавливали и улавливают современных людей. Намертво связывая удобства и облегчение физических страданий с утверждением порока как нормы, идеологи нового мирового порядка пытаются доказать, что иначе нельзя. Иначе, дескать, будете жить во вшах, грязи и болеть сифилисом. Хотя почему, собственно, должна быть такая дурацкая сцепка? Почему физическая чистота должна непременно сочетаться с моральной нечистоплотностью? На Руси народ жил благочестиво, молился Богу и при этом регулярно мылся в бане. Одно другому нисколько не мешало. Даже наоборот: в церковь, в дом Божий, обязательно надо было приходиться чисто вымытым и чисто одетым. И в медицине, пока не наметился отказ от христианских норм, действовали серьезные нравственные ограничения. Убийство детей во чреве матери преследовалось по закону, пациентов пытались спасти до последних мгновений их жизни, такие “достижения”, как “фетальная терапия” (изготовление препаратов из абортированных младенцев) применялись разве что в сатанинских ритуалах. Что касается сифилиса, то это вообще аргумент для слабоумных, поскольку не только специалисту, но и любому профану известно, что так называемые “дурные болезни” (в частности, сифилис) — это следствие разврата, а никак не целомудрия. С грехом вошли в нашу жизнь болезни и смерть. Так что греховный образ жизни, положенный в основу глобалистской цивилизации, со стопроцентной вероятностью гарантирует отнюдь не беспредельное благоденствие и стабильность, а стремительное нарастание хаоса и расчеловечивания. Что мы и видим в последние десятилетия, когда идеология глобализма вышла из-за кулис на авансцену истории.

И, конечно, это грандиозная ложь, что такая жизнь делает людей счастливыми. Грех не может принести счастья, потому что он отдаляет нас от Бога. А подлинное счастье возможно только в Боге и с Богом. Отдаваясь во власть греха, человек отдаётся во власть дьявола, ненавидящего людей за то, что они созданы по образу и подобию Божию, и всеми силами стремящегося их погубить. Глупо рассчитывать на счастье, попав в лапы к своему заклятому врагу.

Недаром обитатели “прекрасного нового мира” не могут существовать без наркотиков. Это как раз указывает на то, что в глубине души они все несчастны и вынуждены заглушать “блаженной сомой” свои тревоги, страхи, тоску, а главное — страшную, поистине дьявольскую внутреннюю пустоту. Рост психических болезней, депрессий, самоубийств, алкоголизма и наркомании в тех странах и тех слоях населения, которые исповедуют идеологию “прекрасного нового мира”, — это наглядное свидетельство того, что путь к счастью не может лежать через отказ от Бога и свободу совершения греха.

Пророки, фантасты, проектанты

Теперь, когда мы разобрали роман, самое время сказать коротко об авторе. Олдос Хаксли был человеком ироничным. И в ироничном стиле написал свой роман. Поэтому когда читаешь его, создаётся впечатление, что автор высмеивает своих героев и их образ жизни. Всех без исключения, в том числе и Дикаря, хотя в нём гораздо больше симпатичного, чем в обитателях “прекрасного нового мира”, рационализация чувств и поведения которых уже не позволяет причислять их к категории людей. Это скорее нечто промежуточное между людьми и биороботами.

Ну, думаешь, талантливая антиутопия. Автор предупреждает нас об опасности такой чересчур рукотворной жизни, в которой всё спланировано, всё предназначено для получения удовольствия.

Да, безусловно, талантливый автор. Но мы знаем и других, не менее талантливых создателей фантастических произведений. Что же именно в Хаксли так поражает? А поражает то, с какой точностью всё или почти всё, им описанное, уже воплотилось в реальной жизни. Может быть, Хаксли был не просто писатель, а современный пророк? Но даже величайшие пророки Ветхого Завета так точно и конкретно не рисовали будущее. В их предсказаниях было много условного, метафорического, загадочного, допускающего множественные трактовки.

В этом невозможно разобраться, не выходя за рамки чтения книги. Но когда знакомишься с биографией автора, поражаешься ещё больше. Оказывается, истинно английский юмор вовсе не помешал ему участвовать в разработке того, над чем он так смеялся в своём романе. Это противоречие поначалу кажется неразрешимым. Но чем больше узнаёшь об убеждениях, политических пристрастиях и антипатиях Хаксли, о его друзьях и коллегах, о его пороках (таких, например, как наркомания), тем больше проясняется картина.

Семья, в которой вырос Хаксли, была непростой. Его дед, биолог-эволюционист Томас Хаксли (в другой транскрипции – Гексли), был вдохновителем автора эволюционной теории Чарльза Дарвина, а также Герберта Уэллса, который писал не только фантастические романы для любознательных подростков, но и... возглавлял английскую разведку во время Первой мировой войны. Взгляды дедушки Гексли, Г. Уэллса и других интеллектуалов этого круга повлияли на юного Олдоса и его брата Джулиана, который впоследствии возглавил ЮНЕСКО, а затем подписал эпохальный документ под названием “Гуманистический манифест-2”, который по праву можно назвать открытой идеологической платформой для построения “прекрасного нового мира”, столь талантливо описанного в своей книге его братом. Но это случилось значительно позже, в 1973 году. А в начале XX века именно в этой группе интеллектуалов и связанных с ними политиков (известно, например, что Черчилль находился под воздействием идей Томаса Хаксли) шло активное обсуждение пока ещё чисто теоретических разработок идеологии “прекрасного нового мира”. Особенно эту кучку *высоколобов* занимали вопросы евгеники – улучшения человеческой породы. Им очень хотелось внедрить в человеческое общество практику искусственного отбора.

Герберт Уэллс ещё в 1905 году написал “Современную утопию”, где не постеснялся пропагандировать так называемую “социальную хирургию”. Размышляя о том, как устранить инвалидов, умственно отсталых и психически больных людей, которые мешают человечеству достичь счастья и благоденствия, он додумался до того, что неплохо было бы “евгенически неблагополучных” изолировать, не давая им шансов на размножение. А многодетные браки, по мнению писателя, вообще должны были стать особой привилегией!

Зная это, нисколько не удивляешься тому, что прославленный фантаст вошёл в дружбу с создательницей Лиги контроля над рождаемостью (впоследствии переименованной в Международную федерацию планирования семьи) Маргарет Зангер (в другой транскрипции – Сейнджер). Он даже написал хвалебное предисловие к её книге “Стержень цивилизации”, в которой она уже без всяких художественных вымыслов, по-деловому намечала планы, как избавляться от тех, кого она со свойственным ей цинизмом называла “плевелами человечества”. Очень скоро эти планы стали претворяться в жизнь. В 30–40-е годы XX века насильственная евгеническая стерилизация и аборт уже производились и в США, и в Швеции, и, разумеется, в гитлеровской Германии.

Вдохновлённый идеями старших товарищей, брат Олдоса Хаксли Джулиан создал в 1939 году “Манифест евгеники”, который был опубликован в солидном журнале *Nature*. А в начале 60-х, уже войдя в мировую политическую элиту, Джулиан высказывался за то, чтобы появившиеся тогда международные организации — ВОЗ (Всемирная организация здравоохранения), ЮНЕСКО и Всемирный банк давали слаборазвитым странам “связанные кредиты”, то есть предоставляли финансовую помощь в том случае, если руководство этих стран согласится целенаправленно сокращать население. Вскоре это стало обыденной, весьма распространённой практикой.

Даже из приведённого нами весьма неполного списка людей, окружавших Олдоса Хаксли, ясно, что среду, в которой он вырос и сформировался, можно определить как весьма специфическую. Это были не просто свободные мыслители мальтузианского толка, это были люди, всерьёз нацеленные на революционное переустройство мира. В другие времена они, может быть, так и остались бы “лондонскими мечтателями”. (Это мы по ассоциации с Г. Уэллсом. Помните? В своей книге “Россия во мгле” он назвал Ленина “кремлёвским мечтателем”). Но в начале XX века романтики, мечтавшие о переустройстве мира, оказались очень востребованы алчными, хищными прагматиками, которые к тому моменту уже концентрировали в своих руках огромные финансовые капиталы, однако не желали на этом останавливаться, а стремились к мировому господству. И умники из элитарных кругов как нельзя больше подходили в качестве идеологов и проектантов этого принципиально нового мироустройства.

Кто знает, не потому ли в такую моду вошёл в ту пору жанр антиутопии? И Уэллс, и Хаксли, и другие идеологи борьбы со “старыми”, “отжившими” ценностями (то есть, прежде всего, христианством) излагали свои соображения и в форме статей и философско-политологических эссе, и в форме романов и повестей. Уэллс даже одну из своих работ так прямо и назвал: “Открытый заговор”, — достаточно подробно рассмотрев в ней вопрос, как этот заговор можно осуществить.

Но, как выразался небезызвестный, всегда руководящий борьбой со Спасителем герой Гёте, — так сказать, главный проектант прекрасных новых миров: “Суша теория, мой друг!” Художественное произведение, роман даёт гораздо больше возможностей представить и показать, как проект может воплощаться в реальности. Ведь реальность гораздо многомерней любого, даже самого подробного плана. Одно дело — изложить этот план линейно, по пунктам, в виде этакого скелета. А другое — создать многомерную модель, да ещё наполнить её людьми, которые в воображении читателя начинают жить своей жизнью, вступать в какие-то взаимоотношения, приспосабливаться к социально-экономическим и политическим условиям. Поскольку в то время ещё не было компьютеров и сложных программ, позволяющих моделировать поведение людей в новых, непривычных ситуациях, приходилось полагаться на воображение *высоколобов*, обладавших к тому же литературным дарованием. Так что, строго говоря, “Прекрасный новый мир” — это не роман, а облечённый в художественную форму проект развития общества. Аналогичный вывод делает и уже упоминавшийся нами известный американский экономист, политик и политолог Линдон Ларуш. “В действительности, — говорит он, — популярны романы Уэллса, такие как “Машина времени” и “Остров доктора Мора”, книга Олдоса Хаксли “Прекрасный новый мир”, работы Оруэлла “1984” и “Скотный двор” были написаны с целью показать людям план создания нового мирового порядка”.

Почему на “конкурсе проектов” победил именно проект Хаксли? Об этом, как, собственно, и о самом конкурсе история умалчивает. Но то, что творцы новейшей истории уже не первое десятилетие скрупулёзно воссоздают в реальной жизни (насколько позволяют современные научно-технические возможности) модель, предложенную Олдосом Хаксли, это факт. Факт, который настолько бросается в глаза, что даже далёкие от политики учёные — исследователи творчества писателя — высказываются вполне определённо. “Хаксли сумел спроектировать целостный, убедительный мир вероятного будущего, — пишет И. В. Головачёва в объемной монографии “Наука и литература. Археология научного знания Олдоса Хаксли”. — Ещё более поразительно то, что составляющие именно этого романного мира, а не какого-либо другого из придуманных тогда или впоследствии миров, составляют основное содержа-

ние нашей, пока ещё не закончившейся эпохи” (<http://marsexxx.com/lit/golovatcheva-huxley.htm>).

В другом месте тот же автор пишет, что “Хаксли причислял свои литературные утопические фантазии к *“утопиям, приближенным к настоящему”* (near-in Utopias), поясняя, что такие тексты могут восприниматься в качестве *проектов, планов возможных и желательных действий** (Головачёва И. В. “Литература и наука в творчестве Олдоса Хаксли. Автореферат диссертации на соискание степени доктора филологических наук).

Много чего можно было бы ещё рассказать о теоретическом и практическом вкладе Олдоса Хаксли в построение “прекрасного нового мира”. К примеру, о его активном участии в проекте “МК-ультра”, посвящённом созданию и внедрению “культуры рока-секса-наркотиков”, которая оторвала молодых людей от корней, внося в человеческое общество дух постоянного бунта и возведённого в принцип существования разврата. В результате западные страны сегодня морально разложены настолько, что для них уже нормальны “содомские браки”, детский секс, повальная наркомания в молодёжной среде, официально зарегистрированные партия педофилов, “церковь сатаны”... Можно было бы подробнее остановиться и на личных пристрастиях Хаксли к наркомании и оккультизму. И на его одержимости мальтузианством, которую он обнаруживал на каждом шагу. Интересно было бы порассуждать и о высказанной в его последнем романе “Остров” ювенальной идее создавать клубы Взаимного Усыновления, расширяющие количество тех, кто добровольно сыграет роль матери и отца чужого ребенка. В общем, много чего можно было бы ещё поведать о столь яркой фигуре XX столетия, но для этого нам потребовалось бы написать монографию. А мы затеяли весь этот разговор с иными целями. Во-первых, нам хотелось показать спланированность, рукотворность того, что многие до сих пор считают спонтанным, само собой происходящим в мире. А во-вторых, читателям важно знать, что “архитекторов перестройки мира” было совсем немного. В сущности, это была маленькая кучка людей. Да, они работали на тех, у кого были (и сейчас есть) деньги и власть. Да, им помогал главный заказчик, который от сотворения мира пытается этот мир перекрыть на свой манер. Но какие бы они ни были, это всего лишь люди, а вовсе не “объективные, неумолимые процессы” или “стихийно складывающиеся закономерности”, в чём пытаются нас убедить те, кто либо участвует в этих якобы объективных процессах, либо по разным причинам не хочет им противостоять.

А раз так, то сопротивление отнюдь не бесполезно. Тем более что людей, которые не считают мир Хаксли прекрасным и дивным, по крайней мере, в нашей стране достаточно много. Да, поезд, на котором нас везут в этот мир, отправился уже давно и ушёл довольно далеко. Но тем более нужно как можно скорее нажать на стоп-кран и перейти на другой путь! Иного шанса спастись как-то не просматривается, потому что путь в расчеловеченный новый мир – путь в пропасть, в бездну.

Сегодня это с каждым днём всё более ощутимо. Уже не надо обладать каким-то особым чутьём, чтобы сквозь запахи многочисленных ароматизаторов обонять сернистые миазмы преисподней.

Хотя Господь открыл нам, чем закончатся все эти бредовые проекты сотворения нового мира, Он показал это на примере самого автора идеи и романа – Олдоса Хаксли. Он, который с такой иронией рисовал портреты обитателей “прекрасного нового мира”, фактически повторил их судьбу, когда, совсем как мать Дикаря Линда, попросил свою вторую жену (которая, как, впрочем, и первая, была лесбиянкой и адептом “нового сознания”, то бишь дианетики) дать ему перед смертью “сому” – сделать наркотический укол.

А все рукописи незадолго до его смерти сгорели, опровергнув утверждение неизвестного булгаковского персонажа. “Лжец и отец лжи”, как ему и положено, солгал.

---

* Huxley, A. Utopias, Positive and Negative / Aldous Huxley / Ed. and with an afterword by James Sexton // Aldous Huxley Annual. – 2001. – Vol. 1. – P. 2–3.